
Полина Колозариди, Александра Шубенкова

ИНТЕРНЕТ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ: БЛАГО ИЛИ УГРОЗА?

Статья предлагает анализ динамики представления Интернета как блага и угрозы в официальном дискурсе власти в России (1994–2014 гг.), с момента официальной регистрации домена «.ru» в 1994 г. В этот период Интернет становится предметом государственной социальной политики. Параллельно реализуются, с одной стороны, государственная политика по обеспечению доступа граждан к Интернету, а, с другой – принимаются решения, ограничивающие его. Мы предполагаем, что официальный дискурс используется для легитимации и объяснения этих решений. Реконструкция репрезентации Интернета в официальном дискурсе позволяет объяснить государственную социальную политику, нацеленную на обеспечение граждан доступом к Интернету. В статье реконструируется последовательность событий: принятие федеральных законов, запуск государственных программ, официальные высказывания, публичные и международные события, связанные с развитием Интернета. Эти различия могут быть прослежены в изменениях официального дискурса. Для их измерения и визуализации авторы проводят контент-анализ релевантных государственных документов. Мы описываем репрезентацию Интернета в посланиях президента и программно-стратегических документах: стратегиях, доктринах, концепциях, нацеленных на развитие Интернета в России. В анализ дополнительно включены государственные документы, посвященные политике в области Интернет-безопасности, информационного общества, электронного правительства, кибер-

Полина Владимировна Колозариди – аспирант факультета социальных наук НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Электронная почта: poli.kolozaridi@gmail.com

Александра Юрьевна Шубенкова – к.полит.н., младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Электронная почта: ashubenkova@hse.ru

безопасности и национальной безопасности. Исследование выявляет три периода дискурсивной репрезентации Интернета. В период 1994–1999, во время президентства Ельцина, Интернет мало представлен в официальном дискурсе, а государство понимается как основной актор в его распространении. В период 2000–2011 на фоне активного позиционирования государства как актора продвижения Интернета, он понимается как «благо», способствует государственному развитию. В третий период 2012–2014, в третий президентский срок Путина, преобладает репрезентация Интернета как угрозы обществу, государству и безопасности. Дискурс Интернета как угрозы был расширен: выявлены угрозы самому Интернету, ответ на которые государство включает в фокус социальной политики. Эта периодизация соответствует изменениям в российской социальной политике в отношении Интернета.

Ключевые слова: Интернет, репрезентация, официальный дискурс, благо, угроза

Спектр отношения к Интернету имеет два полюса. Первый – признание Интернета как блага – официально осуществлено в 2011 г.: право на доступ было закреплено декларацией ООН как фундаментальное право человека и «общественное благо» (La Rue 2011). До этого момента Интернет рассматривался как один из факторов общественного развития (Hampton, Wellman 2003; Wellman et al. 2001). На противоположном полюсе – измерение Интернета как источника угроз: киберпреступности, угрозы сетям, противоправного контента, нарушения авторских прав, Интернет-зависимости, сохранности и безопасности данных. В этом спектре формулируется государственная политика в области Интернета и информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ)¹. Государственная политика может быть нацелена на содействие распространению технологий и на их регулирование и ограничение. Угрозы, которые «несет» Интернет и которым государство, как актор обеспечения общественной безопасности, вынуждено противостоять, используются как основания для ограничения распространения Интернета. Оба этих полюса существуют одновременно и конкурентно, а в каждой стране приоритет той или другой позиции связан с существующей там политической системой и стадией экономического развития.

В России, с одной стороны, государство последовательно финансирует и реализует национальные программы по созданию Интернет-инфраструктуры. ИКТ внедряется в государственное управление и предоставление государственных услуг (госуслуги, образование, здравоохранение). В 2014 г. стартовала программа проведения Интернета в малые населенные

¹ В данной работе Интернет и информационно-коммуникационные технологии используются как синонимы: в официальном дискурсе для обозначения сферы Интернета используется термин «ИКТ», а в научном и публичном – чаще говорят об «Интернете».

пункты (Королев 2015). Одновременно реализуется политика ограничения и цензурирования Интернета: внедряются процедуры блокировки сайтов, системы слежения спецслужб за Интернетом и др. Противоречие между фактом государственного финансирования распространения Интернета и наложением ограничений на его использование ставит вопрос – каково отношение государства к сети, и как это отношение соответствует социальной политике в области Интернета?

Задача данной статьи – зафиксировать официальную репрезентацию Интернета в России в дихотомии «благо» или «угроза». Исследование восстанавливает хронологию властных решений в отношении Интернета в России в период 1994–2014 гг. и посредством контент-анализа документов данного периода (посланий президента Федеральному Собранию, релевантных доктрин, стратегий, концепций) реконструирует репрезентацию Интернета в официальном дискурсе. Стартовой точкой анализа определен 1994 г. в связи с регистрацией национального домена «.ru» для России международным сетевым центром *InterNIC*.

Мы предполагаем, что отношение к Интернету в России изменялось, а в официальном дискурсе отражалась легитимация этих изменений. В частности, репрезентация Интернета как «блага» сопровождала период планирования и реализации государственных социальных и инфраструктурных программ, а репрезентация Интернета как «угрозы» возникала в связи с введением ограничений Интернета и цензуры.

Дихотомия Интернет как «благо» и «угроза» в социальной политике

Применимость терминологии социальной политики к интернет-пространству следует из теоретических разработок термина социальная политика, в которых определены ее ключевые элементы и характеристики. Социальная политика понимается как процесс распределения и перераспределения благ и ресурсов (Якобсон 2008) или система обеспечения инфраструктуры для развития человека (Григорьева 2003). Социальная политика включает в себя «действия государства, направленные на гармонизацию отношений между большими группами населения (классами, сословиями, этносами, гендерными, возрастными группами и т. д.), в том числе и при наличии непримиримых противоречий их интересов, в конкретно-исторических условиях» (Автономов, Гаврилова 2009: 55).

Интернет как общественное благо (Samuelson 1954) становится элементом социальной политики по нескольким причинам. Во-первых, государство включается в его развитие для преодоления «цифрового неравенства» (*digital divide*) – новой формы социального неравенства – разделения общества на группы пользователей и не-пользователей технологий (Blank, Dutton 2012; DiMaggio, Hargittai 2001; Wong et al. 2011). Оно считается составляю-

щей социально-экономического неравенства, поскольку влияет на социальные процессы. Обладая инструментами регулирования и снижения общественных рисков, государство стремится к снижению социального неравенства и участвует в предоставлении и перераспределении Интернета как блага. Для реализации позитивных возможностей Интернета государство берёт на себя продвижение Интернета среди не-пользователей (*non-users*). Во-вторых, Интернет становится инструментом обеспечения государственных обязательств и оказания государственных услуг через электронные системы и средства. В-третьих, Интернет становится объектом социальной политики, поскольку является инфраструктурой, которая обеспечивает реализацию прав граждан: на свободу мнений, высказываний, общественное участие. Наконец, Интернет, как техническая сфера, порождает угрозы и риски общественным институтам и элементам государственной системы. Поэтому в каждой стране помимо норм, содействующих распространению технологий, возникают ограничительные меры (Mansell 2004). По данным рейтингов свободы Интернета, около половины стран, в которых существует доступный Интернет, применяют те или иные политики его ограничения, вплоть до запрета (Reporters without Borders 2014). Ограничения Интернета являются частью государственной политики, политического режима и идеологии (Yalkin et al. 2014). Об этом свидетельствуют примеры ограничения Интернета в Китае и Иране (Sreberny, Khiabany 2010), в Гонконге – как противодействие самоорганизации протестных групп (King et al. 2014).

Таким образом, в политическом дискурсе сосуществуют и одновременно конструируются представление о роли Интернета в двух аспектах: как о благе и об угрозе. Дискурсы существуют параллельно, конкурируя, но не исключая друг друга. Преобладание одного или другого связано с условиями реализации социальной политики в каждый момент времени. При этом не существует единого подхода к социальной политике в области Интернета: оно варьируется от страны к стране.

Методология, описание данных

Данное исследование нацелено на сопоставление изменения социальной политики в области Интернета и трансформации его репрезентации в официальном дискурсе (1994–2014 гг.). Дискурс формируется во взаимодействии многих акторов (Mansell 2004), а касательно социальной политики источником репрезентаций являются, главным образом, органы власти и политические акторы (Wodak 1989). Поэтому мы берем только официальные государственные тексты: послания президента Федеральному собранию, как основной институт трансляции целеполагания от президента России к органам законодательной власти, и программно-стратегические документы (стратегии, доктрины, концепции), как институт трансляции целеполагания в иерархии исполнительных органов власти.

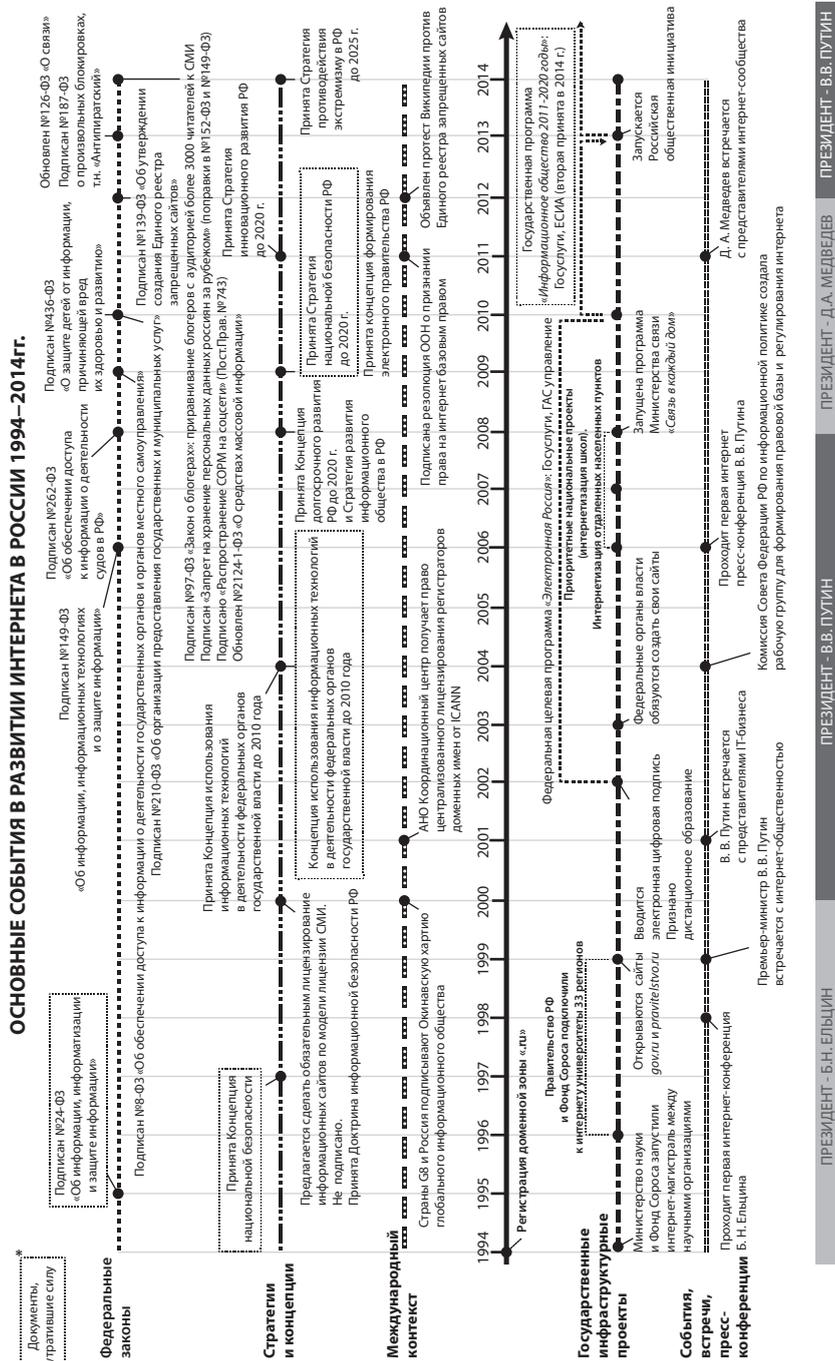

Рис. 1. Историческая реконструкция социальной политики России в области Интернета в 1994–2014 годах.

Сначала мы восстанавливаем хронологию развития Интернета, в связи с которым определяется репрезентация Интернета как блага или угрозы (Рис. 1): принятие государственных документов, реализация государственных инфраструктурных программ, международные и российские публичные события, связанные с развитием ИКТ. Далее был собран корпус текстов¹ (долгосрочные целевые документы, государственные программы, федеральные законы), а также посланий президента Федеральному собранию за период 1994–2014 гг., проведен их контент-анализ. Нарративная репрезентация отношения государства к Интернету была классифицирована по двум основным (пункты 1 и 2) и трем вспомогательным категориям (3–5): (1) «ИКТ как «благо»»: присваивается репрезентации ИКТ в качестве фактора общественного развития в его различных проявлениях; (2) «ИКТ как «угроза»»: присваивается репрезентации ИКТ в качестве угрозы, препятствия общественному развитию в его различных проявлениях; (3) «ИКТ – цель госполитики»: развитие ИКТ и Интернета понимается как цель государственной политики и общества в целом; (4) «Государство-актор»: государство рассматривает себя актором распространения, продвижения Интернета и ИКТ; (5) «Угрозы ИКТ»: Интернет и его инфраструктура как объект угроз и негативных воздействий.

Единицей анализа является высказывание об ИКТ (предложение с упоминанием ИКТ). Анализ репрезентации Интернета в программно-стратегических документах осуществлялся путем вычисления доли текста, репрезентирующего Интернет (в количестве слов), к длине всего текста (в количестве слов), в программе *QSR Nvivo10*. Послания президента и программно-стратегические документы были классифицированы по нескольким атрибутам: президент, при котором документ утвержден, срок этого президента у власти (1, 2 или 3), год принятия документа, уровень утверждения документа (президент, правительство), тип документа (послание президента, доктрина, концепция, стратегия). Иллюстрации статьи демонстрируют репрезентации Интернета по президентским срокам.

Реконструкция событий

Реконструкция событийного ряда в области Интернета в России (Рис. 1) позволяет сделать несколько наблюдений. Во-первых, инфраструктурные проекты начали реализовываться во второй срок президентства Владимира Путина. Во-вторых, президентство Дмитрия Медведева отмечено высокой плотностью

¹ Были собраны: федеральные законы и поправки (9 документов), стратегии (4 документа), концепции (5 документов), доктрины (1 документ), федеральные целевые программы (1 документ), приоритетные национальные проекты (1 документ), основные направления деятельности правительства (1 документ), государственные программы (2 документа), приказ о порядке функционирования (1 документ). Правила взаимодействия (1 документ). Полный перечень документов с точными наименованиями может быть предоставлен авторами по запросу.

событий в области долгосрочного целеполагания (стратегии, концепции, доктрины). В-третьих, ключевые решения по ограничению и цензурированию Интернета приняты в третий срок президентства В. Путина.

Наиболее активным периодом с точки зрения проработки темы ИКТ является президентский срок Медведева (принято 6 документов). Однако при Медведеве Путин сохраняет ключевую роль в процессе регулирования ИКТ: четыре из шести принятых программно-стратегических документов подписаны премьер-министром Путиным. В первые два президентские срока Путина приняты основные программно-стратегические документы. К ним относятся тексты, содержащие блоки, посвященные ИКТ (Доктрина информационной безопасности 2000 года, Концепция использования ИТ до 2010 года), и наиболее значимые для развития Интернета в России монотематические документы (Стратегия развития информационного общества 2008 и Концепция формирования электронного правительства 2008/2009). При Ельцине стратегических текстов касательно ИКТ не принималось.

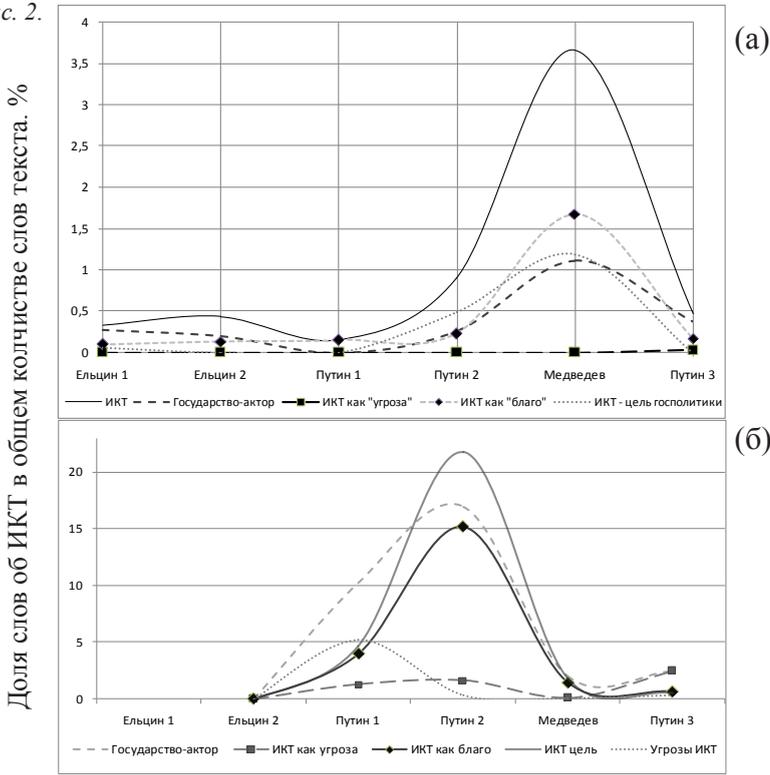
Контент-анализ и дискурс-анализ посланий президентов и программно-стратегических документов

С точки зрения терминологии для обозначения Интернет-отрасли в посланиях президента и программно-стратегических документах применяется термин ИКТ и различные формы составных слов аббревиатуры. Отраслевая терминология («Интернет», «онлайн») появляется в дискурсе в период президентства Медведева.

Количественный контент-анализ по президентским срокам (Рис. 2) показал, что наиболее активным актором обсуждения Интернета в посланиях является Медведев (график «а»). Но в сфере принятия государственных решений в виде программно-стратегических документов наиболее насыщенным является второй срок Путина (график «б»).

Наш анализ демонстрирует, что главным транслятором репрезентации ИКТ как блага является Медведев, хотя значима она в дискурсе посланий и стратегических документов первых двух сроков Путина (Рис. 26). Послания рассматривают Интернет как благо с разнообразной прагматикой: «для развития гражданского общества, и для формирования цивилизованной предпринимательской среды» (Послание Президента 2002), «позволит гражданам получать больше объективной информации о деятельности государственного аппарата, поможет им защитить свои интересы» (Послание Президента 2005), как инструмент противодействия коррупции (Послание Президента 2009; Послание Президента 2011). В этот период в России принимались и начали реализовываться ключевые программы государственной социальной политики: финансирование, строительство и внедрение Интернет-инфраструктуры в государственное управление и госуслуги, интернетизация органов власти.

Рис. 2.

Репрезентация Интернета по срокам президентов:

доля количества репрезентирующих Интернет-слов в общем количестве слов в посланиях президента (а) и программно-стратегических документах (б) соответствующего срока президентства (%)

Пик репрезентации Интернета как угрозы и в посланиях, и в стратегических документах приходится на третий срок Путина. Это единственный период доминирования в официальном дискурсе репрезентации Интернета как угрозы над репрезентацией как блага, хотя ее активизация в публичном дискурсе началась еще во второй срок Путина. Послания президента в 2013–2014 гг. представляют разные угрозы, идущие от Интернета, рассматривая его в контексте «накала военно-политической, экономической, информационной конкуренции в мире» (Послание Президента 2013), через Интернет осуществляется информационная «поддержка сепаратизма в России «из-за бугра» (Послание Президента 2014). Дискурс посланий и документов третьего срока Путина совпадает с общей управленческой повесткой и объективирует усиление государственного контроля. Де-факто принимаются

политические решения по введению цензуры в Интернете, контроля, ограничения его саморегулирования.

Репрезентация Интернета как цели государственной политики в программно-стратегических документах в период второго срока Путина сопряжена с активной государственной социальной политикой. Развитие этой репрезентации продолжается в посланиях президента Медведева, что объясняется проектированием в этот период в правительстве под председательством Путина пакета ключевых монотематических документов, определяющих государственную политику касательно Интернета (Рис. 1).

Патерналистская позиция по отношению к Интернету («государство-актор») выявлена в посланиях президентов – Ельцина, Медведева и во время третьего срока Путина. Но патернализм в отношении Интернета резко падает в программно-стратегических документах от второго срока Путина к периоду президентства Медведева, что можно объяснить активной артикуляцией необходимости вовлечения общества в развитие Интернета как части инновационной сферы экономики.

Наконец, в период первого и третьего сроков Путина появляется рассмотрение угроз Интернету и его технической инфраструктуре: это связано с реализацией программ по использованию ресурса в государственном управлении, и поэтому его безопасность рассматривается как вопрос национальной безопасности. Репрезентация угроз Интернету не включена ни в одно из президентских посланий.

Дискуссия

По мере становления и развития Интернета формируется его репрезентация в официальном дискурсе. Происходит изменение государственного понимания Интернета. Оно отражается в дискурсе документов и реализуется в принимаемых государственных решениях: программно-стратегических документах. Можно говорить о периодизации социальной политики в области Интернета и соответствия ей репрезентации ИКТ. Первый период (1994–1999) характеризовался низким вниманием государства: Интернет развивался в рамках общественного саморегулирования, а не как объект госрегулирования. Государство не являлось агентом его распространения. На фоне различных национальных примеров путь Интернета в России на начальном этапе развития отличается от других стран. В США Интернет был частью государственной программы экспансии (Gore 1990), в Европе возникли программы его стратегического развития (Shahin 2006).

Во второй период (2000–2011) Интернет публично репрезентируется как общественное благо. Социальная политика была направлена: а) на развитие инфраструктуры и расширение возможностей доступа к новым технологиям максимально широких слоев граждан и институтов; б) на институциональное развитие под эгидой государства, что подтверждалось приня-

тием нескольких государственных федеральных программ. В риторике периода понятие «информационного общества», представляется в качестве ориентира развития ИКТ и связано с глобальными институтами. Государство играет роль актора, обеспечивающего достижение социального блага.

Третий период (2011–2014) связан со сменой роли государства. Формируется риторика, в которой Интернет становится не самоценным явлением, а проводником для других благ или опасностей. Эти процессы сопровождаются репрезентацией Интернета как угрозы и угроз сети. Хотя в предыдущем периоде мы также наблюдаем прагматическое объяснение благ, связанных с Интернетом, в данном случае происходит усиление функциональной роли ИКТ. Государство реализует свое право решать, какие из функций Интернета необходимы для развития общества, а какие – нет. Так можно объяснить агрессивные законы со стороны государства о цензуре и ограничению распространения ИКТ.

Заключение

Репрезентация Интернета в официальном дискурсе России в 1994–2014 гг. разделяется на три периода, соответственно реализуемой социальной политике. По мере распространения Интернета, усиливается институциональная роль государства в его регулировании и контроле, увеличивается количество регулирующих документов. Рост государственного влияния, плотности государственных решений (в форме федеральных законов и государственных программ) сопровождается изменением официального дискурса в посланиях президента и долгосрочных целеполагающих документах: стратегиях, доктринах и концепциях. Официальный дискурс в России соответственно социальной политике проходит следующие трансформации: от репрезентации государства как ключевого актора в распространении Интернета через его репрезентацию как блага к репрезентации как угрозы и введением в дискурс темы угроз самому Интернету. Анализ официального дискурса показывает, что ограничение Интернета во время третьего президентского срока Путина является выстроенной целенаправленной политикой, которая транслируется на нижние уровни власти посредством официальных действий и дискурсивных инструментов: посланий президента, стратегий, доктрин и концепций.

Нами были выявлены методологические сложности изучения государственного дискурса об Интернете как о социальном благе отдельно от других дискурсов, связанных с информационными технологиями. Изучение тезауруса дискурсивной репрезентации Интернета является отдельной задачей, которую необходимо решить для ее изучения в пространстве средств массовой информации и ценностных ориентаций различных социальных групп.

Исследования социальной политики в области Интернета могут соотнести официальный дискурс и государственные решения с изучением динамики финансирования государственных программ, а также с измерением эффективности социальной политики. Кроме того, важно обратить внимание на изучение социальных групп, являющихся бенефициарами социальной политики в области Интернета и специфики его репрезентации именно для этих социальных групп.

Список источников

Автономов А. С., Гаврилова И. Н. (ред.) (2009) *Социальная политика в контексте межсекторного взаимодействия*, М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы.

Григорьева И. А. (2003) Социальная политика: основные понятия. *Журнал исследований социальной политики*, (1): 29–44.

Королев И. (2015) Как, когда и за сколько в России ликвидируют проблему цифрового неравенства. *CNews.ru*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9eBLY> (дата обращения: 08 мая 2015).

Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации (2002) *Kremlin.ru*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9fKah> (дата обращения: 08 мая 2015).

Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации (2005) *Kremlin.ru*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9fKak> (дата обращения: 08 мая 2015).

Послание Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации (2009) *Kremlin.ru*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9fKaa> (дата обращения: 08 мая 2015).

Послание Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации (2011) *Kremlin.ru*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9fKag> (дата обращения: 08 мая 2015).

Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации (2013) *Kremlin.ru*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9fKah> (дата обращения: 08 мая 2015).

Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации (2014) *Kremlin.ru*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9fKb7> (дата обращения: 08 мая 2015).

Якобсон Л. И. (2008) Социальная политика: попечительство или солидарность? *Общественные науки и современность*, (1): 69–80.

Blank G., Dutton W. H. (2012) Age and Trust in the Internet: the Centrality of Experience and Attitudes Toward Technology in Britain. *Social Science Computer Review*, 30 (2): 135–151.

- DiMaggio P., Hargittai E. (2001) From the "Digital Divide" to "Digital inequality": Studying Internet Use as Penetration Increases. *Princeton University Center for Arts and Cultural Policy Studies Working Paper Series*, 15. Available from: <https://clck.ru/9eBNE> (accessed 15 December 2015).
- Gore A. (1990) Networking the Future: We Need a National "Superhighway" for Computer Information. *Washington Post*, b3: 111.
- Hampton K., Wellman B. (2003) Neighboring in Netville: How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburb. *City & Community*, 2 (4): 277–311.
- King G., Pan J., Roberts M.E. (2014) Reverse-Engineering Censorship in China: Randomized Experimentation and Participant Observation. *Science*, 345 (6199): 1–10.
- La Rue F. (2011) Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression. *United Nations*. Available from: <https://clck.ru/9eBNd> (accessed 15 December 2015).
- Mansell R. (2004) Political Economy, Power and New Media. *New Media and Society*, 6 (1): 74–83.
- Reporters without Borders (2014) *Enemies of the Internet 2014: Entities at the Heart of Censorship and Surveillance*. Available from: <http://12mars.rsf.org/2014-en/> (accessed 18 May 2015).
- Samuelson P. A. (1954) The Pure Theory of Public Expenditure. *The Review of Economics and Statistics*, 36 (4): 387–389.
- Shahin J. (2006) A European History of the Internet. *Science and Public Policy*, 33 (9): 681–693.
- Sreberny A., Khiabany G. (2010) *Blogistan: The Internet and Politics in Iran*, London: Tauris.
- Wellman B., Haase A. Q., Witte J., Hampton K. (2001) Does the Internet Increase, Decrease, or Supplement Social Capital? Social Networks, Participation, and Community Commitment. *American Behavioral Scientist*, 45 (3): 436–455.
- Wodak R. (ed.) (1989) *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse*, Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- Wong S., Altman E., Rojas-Mora J. (2011) Internet Access: Where Law, Economy, Culture and Technology Meet. *Computer Networks*, 55 (2): 470–479.
- Yalkin Ç., Kerrigan F., Vom Lehn D. (2014) Legitimation of the Role of the Nation State: Understanding of and Reactions to Internet Censorship in Turkey. *New Media & Society*, 16 (2): 271–289.

Polina Kolozaridi

Alexandra Shubenkova

INTERNET AS A MATTER OF SOCIAL POLICY IN RUSSIAN OFFICIAL DISCOURSE: A "GOOD" OR A "THREAT"?

This article traces the development of Internet representation in Russia's official public discourse from 1994, when the domain ".ru" was officially registered, until 2014. During this period, the Internet became an issue for Russian public policy. Russia implements public programs providing Internet-access to the citizens, and simultaneously limits the Internet through restrictions and censorship. We propose that official discourse reflects public policy, and transforms official representations of the Internet accordingly. By uncovering the role and representations of the Internet in official discourse, we explain national social policies aimed at providing Internet to the citizens. To reveal official representation of the Internet in Russia, we, primarily, reconstruct the sequence of state decisions: this includes the federal laws, state programs on Internet proliferation, presidential addresses (*poslaniya*), domestic and international public events and commitments that have shaped the development of the Internet in Russia. Three Russian presidents contributed to developing the Internet in different ways. This diversity can be traced in the transformation of the official discourse. To measure and visualize these changes content analysis was conducted of all the relevant official documents, including presidential addresses (*poslaniya*), national strategies, doctrines and conceptions. We pay attention to the strategic documents, which partly refer to the Internet or other Internet-related concepts. These concepts included Internet security, the information society, e-government, cyber-security and national security. The study reveals three periods in the official discourse. Between 1994 and 1999, during Yeltsin's presidency, the Internet was weakly presented in the official discourse, and the state was the key actor in Internet proliferation. In the period from 2000 to 2011 the state continued to play a strong role in the proliferation of the Internet, and the Internet was portrayed as a "benefit" in official texts claiming that it aids public development. In the third period from 2012 to 2014, the third presidency term of Putin, the Internet was represented as a "threat" to society, state and security. The discourse of threats extended to accounting dangers for the Internet itself as an issue of social policy. This periodization in the official discourse corresponds with changes in Russian social policy and state decisions regarding Internet in Russia.

Polina Kolozaridi – PhD-student, Social Science Department of NRU HSE, junior research fellow, Laboratory for Political Studies of NRU HSE, Moscow, Russian Federation. Email: poli.kolozaridi@gmail.com

Alexandra Shubenkova – PhD, junior research fellow, Laboratory for Political Studies of NRU HSE, Moscow, Russian Federation. Email: ashubenkova@hse.ru

Key Words: Internet, representation, official discourse, Russia, good, threat, content-analysis

References

Avtonomov A. S., Gavrilova I. N. (eds.) (2009) *Sotsial'naya politika v kontekste mezhsektornogo vzaimodeystviya* [Social Policy in the Context of Cross-Sectoral Interaction], Moscow: Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy.

Blank G., Dutton W. H. (2012) Age and Trust in the Internet: The Centrality of Experience and Attitudes toward Technology in Britain. *Social Science Computer Review*, 30 (2): 135–151.

DiMaggio P., Hargittai E. (2001) From the "Digital Divide" to "Digital Inequality": Studying Internet Use as Penetration Increases. *Princeton University Center for Arts and Cultural Policy Studies Working Paper Series*, 15. Available from: <https://clck.ru/9eBNE> (accessed 15 December 2015).

Gore A. (1990) Networking the Future: We Need a National "Superhighway" for Computer Information. *Washington Post*, b3: 111.

Grigorieva I. A. (2003). Sotsial'naya politika: osnovnye ponyatiya [Social policy: The Key Terms]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noy Politiki* [Journal of Social Policy Studies], (1): 29–44.

Hampton K., Wellman B. (2003) Neighboring in Netville: How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburb. *City & Community*, 2 (4): 277–311.

King G., Pan J., Roberts M. E. (2014). Reverse-engineering Censorship in China: Randomized Experimentation and Participant Observation. *Science*, 345 (6199): 1251–1722.

Korolev I. (2015) Kak, kogda i za skol'ko v Rossii likvidiruyut problemu tsifrovogo neravenstva [How and for What Price Will the Digital Divide be Resolved in Russia]. Available from: <https://clck.ru/9eBLY> (accessed 8 May 2015).

La Rue F. (2011) Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression. *United Nations*. Available from: <https://clck.ru/9eBNd> (accessed 15 December 2015).

Mansell R. (2004) Political Economy, Power and New Media. *New Media and Society*, 6 (1): 74–83.

Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V. V. Putina Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii [Address of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation] (2002) *Kremlin.ru*. Available from: <https://clck.ru/9fKah> (accessed 08 May 2015).

Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V. V. Putina Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii [Address of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation] (2005) *Kremlin.ru*. Available from: <https://clck.ru/9fKak> (accessed 08 May 2015).

Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii D. A. Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii [Address of the President of the Russian Federation D. A. Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation] (2009) *Kremlin.ru*. Available from: <https://clck.ru/9fKan> (accessed 08 May 2015).

Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii D. A. Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii [Address of the President of the Russian Federation D. A. Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation] (2011) *Kremlin.ru*. Available from: <https://clck.ru/9fKar> (accessed 08 May 2015).

Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V. V. Putina Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii [Address of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation] (2013) *Kremlin.ru*. Available from: <https://clck.ru/9fKax> (accessed 08 May 2015).

Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V. V. Putina Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii [Address of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation] (2014) *Kremlin.ru*. Available from: <https://clck.ru/9fKb7> (accessed 08 May 2015).

Reporters without Borders (2014) *Enemies of the Internet 2014: Entities at the Heart of Censorship and Surveillance*. Available from: <http://12mars.rsf.org/2014-en/> (accessed 18 May 2015).

Samuelson P. A. (1954) The Pure Theory of Public Expenditure. *The Review of Economics and Statistics*, 36 (4): 387–389.

Shahin J. (2006) A European History of the Internet. *Science and Public Policy*, 33 (9): 681–693.

Sreberny A., Khiabany G. (2010) *Blogistan: The Internet and Politics in Iran*, London: Tauris.

Wellman B., Haase A. Q., Witte J., Hampton K. (2001) Does the Internet Increase, Decrease, or Supplement Social Capital? Social Networks, Participation and Community Commitment. *American Behavioral Scientist*, 45 (3): 436–455.

Wodak R. (ed.) (1989) *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse*, Philadelphia: John Benjamins Publishing.

Wong S., Altman E., Rojas-Mora J. (2011) Internet access: Where Law, Economy, Culture and Technology Meet. *Computer Networks*, 55 (2): 470–479.

Yakobson L. I. (2008) Sotsial'naya politika: popechitel'stvo ili solidarnost'? [Social policy: Trusteeship or Solidarity]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'* [Social Studies and Modernity], 1: 69–80.

Yalkin Ç., Kerrigan F., Vom Lehn D. (2014) Legitimation of the Role of the Nation State: Understanding of and Reactions to Internet Censorship in Turkey. *New Media & Society*, 16 (2): 271–289.